

• •

(contio)

[Stable URL: <http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/handle/123456789/1293>]

[:]

1997:

(contio)

1996 1997 // , (.). , 131-141.



THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES



« »

THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
"THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES"
YAROSLAVL BRANCH



YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

А. В. Махлак

(Н. Новгород)

ВОЙСКАЯ СХОДКА (contio) В ЖИЗНИ ИМСКОЙ
АРИМИ И ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕХАНИЗМЕ ИМСКОЙ ИМПЕРИИ

В римской истории конца Республики и периода Империи известно немало моментов, когда политическим центром государства оказывались не комиции, не курия, не дворец принцепса, а военный лагерь, на площади которого собравшиеся на сходку воины решали вопрос о том, кому будет принадлежать власть. В III-м же веке явно проявляется тенденция к установлению, так сказать, "стратократии" — открытого господства военщины, результатом чего стало изживание самого принципата, который в свое время, помимо прочих причин, возник и как следствие переворота в военной организации¹ и в своем "генетическом коде" всегда был существенно наследен военными элементами, окрашивавшими самый стиль императорской власти².

Императоры имели в войске не только решающую опору, но и постоянного оппонента, нередко весомо заявлявшего о своих интересах и требовавшего весьма аккуратного обращения. Вместе с тем армия была существенным компонентом социальной структуры римского общества, отражала ее в своем составе и иерархии, эволюционируя вместе с изменениями в ней³. В известной степени в политических требованиях и действиях войска, особенно в моменты кризисов, находили свое выражение интересы различных классов и слоев общества⁴.

Общество, однако, чаще всего пассивно принимало волю диктаторов, а на долю римских историков оставались горестные размышления о "тайне императорской власти". Эта *arsena imperii* (Tac. Hist. I.4.3) в современной науке исследовалась в самых разнообразных аспектах, в том числе и с точки зрения политической роли армии. Но при этом почти не освещенным остается вопрос о том, каким конкрет-

ним образом войско выражало и реализовывало свою властную волю. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть институт воинской сходки (*contio militaris*), имевший давние традиции и получивший своеобразное развитие в армии императорского Рима.

Прежде чем осветить сферу компетенции, функции и значение воинской сходки, остановимся вкратце на ее внешней атрибутике.

Официальная сходка созывалась по приказу военачальника или главнокомандующего (Liv. 5.47.7; 7.36.9; App. B. c. 4. 89) и происходила обычно на лагерном форуме, где располагались *praetorium* и *principia*, а также знаменное святилище (*aedes*)⁵. Сходка проводилась, таким образом, под сенью воинских святынь (Lucan. Thars. I.296; Tac. Ann. I.18.12; SHA. Car., Carin. 12.2). Справа от претория располагался *auguratorium*, а слева — *tribunal* (Nugin. Munit. cast. II.12), или *suggestus* — ораторское возвышение⁶. Отсюда военачальник оглашая результаты аудиенции, обращаясь к войскам с речью⁷. В походных условиях такая трибуна сооружалась из дранки или другого подручного материала (Tac. Ann. I.18.2; Plut. Pomp. 41; SHA. Car., Carin. 12.2). В некоторых случаях трибуна, где во время сходки вместе с полководцем (императором) могли находиться его высокопоставленные слуги, в том числе сенаторы (App. B. c. 19.89), охранялась специальной стражей (Tac. Hist. 3.10). Иногда сходка могла созываться вне лагеря, на подходящей равнине ([Caes.] B. Afr. 86; App. B. c. 2.50; Herod. 6.8.5; 7.8.3). Однако главным местом действия чаще была лагерная площадь, которая по своим функциям и структуре имела очень много общего с римским форумом⁸.

В определенных случаях воинской сходке предшествовали жертвоприношения и лекции (Liv. 38.12.2; Tac. Ann. 15.26.3; Herod. I.5.2).

Как правило, войны присутствовали на сходке при оружии и, если она не была спонтанным собранием, выстраивались по манипулам,

выставляя перед строем значки когарт (Tac. Ann. I.34.3). Обычно свое мнение на сходке воины выражали криком. (Есть и не очень определенное указание на гололосование поднятием рук (Lucan. Thars. I.386 сл.))

Сходка могла поручить выразить общее мнение своему представителю (Liv. 7.12.14; 13.3; Tac. Ann. I.26. D). Нередко на сходке фигурирует активное меньшинство, задающее тон собранию или даже навязывающее свое мнение остальным воинам (Tac. Ann. 2.12; Hist. I.18; 3.13). В качестве таких "активистов" выступают центурионы и стоящие в передних рядах солдаты, а также наиболее заслуженные представители своего звания - honestissimi sui generis, как называет их Цезарь (B. G. I.20. D). Однако войско, собравшись по собственному почину, могло воспротивиться навязанному решению, как это сделали, например, вителианцы, которых их командир склонил было присягнуть Веспасиану (Dio Cas. 64.10.3-4). В подобных обстоятельствах решающее значение имела предварительная агитационная работа. Проводилась она командирами, собиравшими отдельные подразделения для бесед (SHA. Prob. 10.3-4). Иногда и сами воины обсуждали положение дел в своем кругу (App. B. G. 4.123; Tac. Ann. I.16).

Переходя к вопросу о содержательной стороне воинской сходки, следует прежде всего указать на ее информационно-агитационную и церемониальную функцию. Обращаясь к сходке солдат с речью, полководец (или принцепс) давал оценку действиям своих подчиненных⁹, разъяснял свои замыслы и решения, стремился повлиять на солдат в нужном духе, упрочить личные связи с войском¹⁰. На сходке могли зачитываться послания и обращения императоров (напр., Tac. Hist. 2.82; 3.3; SHA. Pesc. Nig. 4.2). Безусловно, особую значимость имело личное обращение императора к войску, организуемое как торжественная церемония¹¹; и ни один принцепс не мог пренебречь столь важным средством морально-политического воздействия на армию¹².

На сходке производилось награждение и публичное восхваление

(laudatio) отличившихся воинов и командиров. Интересно, что Пертинакс был удостоен Марком Аврелием таких похвал и на солдатской сходке и в сенате (SHA. Pert. 3.9).

Именно на сходке воины приносили присягу: и клятву верности своему вождю во время гражданской войны, и ежегодно возобновляемую присягу правящему принцепсу, и присягу вновь провозглашенному императору. Существенно и то, что воинская сходка, в свою очередь, могла в тех или иных случаях принимать клятву своего военачальника (Suet. Otho. 6.3; SHA. Pesc.Nig. II.3; Aur.Vict.De Caes. 39.14). Создаваемая присягой связь войска и императора была немаловажным политическим фактором¹³.

Нельзя не обратить внимания на то, что в ряде случаев воинская сходка, не обладавшая какими-либо формальными правами, могла высказывать свою волю в вопросах, относящихся к компетенции высшего командования или самой императорской власти, т.е. брать на себя функции, которые в широком смысле можно назвать потестарной. В частности, есть примеры, когда сходка выступает как своего рода судебная инстанция. Так, в ответ на выступление Клавдия в лагере преторианцев после разоблачения Мессалины когорты потребовали подвергнуть виновных наказанию (Tac. Ann. XI.35). После убийства Домициана солдаты добились выдачи им для расправы виновников этого убийства (Suet. Domit. 23). На одной из сходок солдаты-вигиланцы потребовали казнить галльских вождей, воевавших на стороне Виндекиа (Tac. Hist. 2.94).

Солдатская сходка могла даже стать органом, карающим зачинщиков мятежа из собственных рядов. Достаточно вспомнить драматический эпизод солдатского мятежа в Германии в 14 г. н.э., когда, по словам Тацита, "собранные на сходку, стояли с мечами наголо легионы, подудимого выводил на помост и показывал им трибуны; если раздавался общий крик, что он виновен, его сталкивали с помоста и при-

канчивали тут же на месте" (Ann. I.44). В этом же эпизоде солдатская сходка определяла и судьбу центурионов: достойны ли они оставаться в своем звании.

Следует, далее, отметить, что от лица воинского коллектива и могло исходить и предоставление почестей в виде знаков отличия и повышений в чине. Избрание центурионов солдатами засвидетельствовано не только во время мятежей и гражданских войн (Tac.Hist.3.49.2), но, как показывают надписи, и в ходе обычной службы. Так, в посвящении Фортуне Августе (231 г.) Т.Флавий Доминий Валериан указал, что он стал центурионом по решению легиона (AE.1976.540:(centurio) legionarius factus at suffragium leg(ionis) XIIII(Geminae)). Аналогичная формула употреблена в эпитафии М.Петрония Фортуната (вероятно, время Септимия Севера). Он провал на службе 50 лет, из них первые 4 года в I-м Итальянском легионе, сначала либрарием, тессерарием, опционом, сигнифаром, после чего стал центурионом ex suffragio leg(ionis)eiusdem и служил еще в 12 легионах (CIL. VIII.217=I301=IL S.2658).

Известно несколько эпитафических свидетельств и о даровании наград или подарков от импери или по решению сослуживцев. Не ясно, однако, можно ли считать эти награды неофициальными или же войско обладало законной властью их присуждать¹⁴. Три надписи, все датируемые временем Олив-Клавдиев, не дают данных для решения этой проблемы. Согласно одной из них, Гай Олий Мандр, дубликарий из ala Atectorigiana, призванный в качестве адвоката в отряд ретов-геаатов, был награжден сослуживцами (a commilitonibus) шитом, ванками и золотыми кольцами (CIL.XIII.1041=IL S.253 D). По другой надписи, Кв.Корнелий Валериану, занимавшему несколько всаднических должностей и участвовавшему в войне с понтийским царем Митридатом в 45 г., были дарованы шиты, ванки, а также imagines и inpensa statua. Кроме того, от лица руководимых им частей он был почтен

благодарственной речью (honorato laudacione a numeris - CIL .II. 2079 = ILS.2713; ср. CIL .II.3272). В третьей надписи сообщается, что некий вольноотпущенник Нуманий был почтен войском золотым венком (или венками) и публичным восхвалением (CIL .VI.3617). Мотивы этого акта из-за фрагментарности текста неизвестны¹⁵.

Более определенным, хотя и единичным примером является надпись из Грацианополя (Гренобль) - эпитафия легионера Т.Камилля Давана, награжденного торкведами и золотыми браслетами по воле императора Адриана решением (suffragio) легиона (CIL .XII.2230 = ILS. 2313). Думается, уникальность этого случая не может свидетельствовать против распространенности и законности подобной практики, аналогом которой служат не только традиции современных армий¹⁶, но и приведенные выше примеры избрания центурионов. Известно также, что войско могло даровать своему военачальнику различные почести. Так, во время Союзнической войны Сулла был награжден войском (Plin. N.H. 22.6.12). После Фарсальской битвы парсуры вторую боевую награду получил Цезарь, признанный всеми наиболее отличившимся, а с ним вместе и X-й легион (App. В.с. 2.82). Аппиан в описании римского триумфа указывает, что в процессии проносят венки, которыми награждали полководца за доблесть или города, или союзники, или подчиненные ему войска (Lib. 66). На существование такой практики в императорскую эпоху указывает лишь косвенные свидетельства (напр., Herod. 3.6.4: слова Септимия Севера о том, что он и Альбин получают почести от воинов). Возможно, подобный обычай в период Империи сошел на нет, так же как обычай приношения войском почетного титула императора победоносному полководцу. Воли Август еще позволял некоторым своим военачальникам получать этот титул, то при Тиберии он был призован в последний раз (Tac. Ann. 3.74).

В целом же самый факт, что войско могло инициировать назначение на тот или другой пост и рекомендовать к награждению, даро-

пять почести командующему, свидетельствует, очевидно, о важной роли легионеров как римских граждан, сохранявших *ius suffragii* 17.

Возможно также, что именно это качество римских воинов позволяло воинской оходке в определенных условиях конституироваться в качестве органа самоуправления войска, оказавшегося по какой-либо причине без командующего, и становится непосредственным источником власти. Прецеденты, когда войско облекало императором своих избранных, имели место еще в период Республики. По рассказу Диония (7.39-40), в 342 г. до н.э. зимовавшие в Кампании воины замыслили мятеж, и, когда консул, чтобы предотвратить его, стал отсылать ненадежных солдат, одна когорта устроила сессеию и, принявши в свои ряды других воинов, расположилась лагерем близ Альбы Ленги. Не имея предводителя, воины вручили власть патриции Титу Квинкцию, славному в прошлом военачальнику. Ему пригрозили за отказ омертвев, притащили из его тускульского имения в лагерь и провозгласили императором, поднеся знаки этой почетной должности, а потом велели вести войско на Рим. К счастью, этот эпизод завершился метром и раскаянием мятежников.

Другой эпизод относится к событиям 211 г. до н.э. в Испании. После разгрома и гибели обоих Сципионов остатки их войска собрал молодой владник Л. Марций и солдаты на своем собрании избрали его предводителем, вручив, вероятно, пропреторскую власть (Liv. 25.37; 26.2.1). Естественно, многие сенаторы увидели в этом дурной пример: начальник избирается войском, комиции проходят в лагере, в отсутствие должностных лиц (Liv. 26.2.2).

Несколькими годами позже в испанском войске младшего Сципиона вспыхнул мятеж, вызванный болезнью командующего и задержкой жалования. Мятежники, изгнав трибунов, вручили власть двум зачинщикам — простым солдатам, которые дарнули даже приковать себе фациии и топоры (Liv. 28.24.12 сл.; ср. App. Iber. 34). Возможно, дан-

ные эпизоды излагались Ливием под впечатлением событий гражданских войн, когда легионы фактически распоряжались властью и считали себя вправе требовать отчета у своих ставленников (App. В.с.3.43).

В условиях кризиса Республики, когда окончательно распадается единство народа и войска, изживает себя и тот основополагающий принцип, согласно которому на войне народ во всем подчиняется полководцам, но в мирное время имеет суверенное право контролировать избранных магистратов и даровать им почести (App. В.с.4.92). В период Империи провозглашение правителя на воинской сходке превращается в обычай, имевший устоявшиеся формы. Знаком такого провозглашения становится приветствие кандидата как императора, присвоение ему соответствующих титулов, возложение на него пурпур. Акт этот сопровождался обращением нового императора к сходке солдат о речах, денежными подарками и принесением присяги.

Сенату в большинстве случаев оставалось только подтвердить решение воинов (как пишет Тацит о воцарении Нерона, *sententiam militum secuta patrum consulta* - Ann. 12.69.2). Сходка воинов оказывается если не паричной, то по меньшей мере равноправной с сенатом инстанцией (Ср. SHA. Tac. 8.4-5). При этом воины не только утверждали нового императора, но фактически санкционировали назначение соправителя и наследника (Suet. Galba. 17; Claud. 27.2; Tac. Hist. 2.59; Herod. 1.5.3; SHA. Sev. 16.3; Diad. Anton. 1.3), а также инициировали либо прямо декретировали обожествление умерших правителей (Suet. Dom. 23; SHA. Sev. 11.3-4; 12.7-8; Opi1. Macr. 6.8; Augel. 4.1.1-2).

Таким образом, армия фактически уаурирует властные полномочия, и в традиционную формулу *senatus populusque Romanus* внедряется третий, неофициальный элемент. Любопытно, что еще Тиберий, говоря в завещании о своих родственниках, счел нужным указать на Клавдия "войскам, сенату и народу римскому" (Suet. Claud. 6.2).

Такая трехчленная формула становится особенно актуальной в III в. / Геродота. "сенатский" император Максим в обращении к войнам подчеркивает, что власть является общим достоянием римского народа, а императорам вместе с войнами вручено управление и распоряжение государственными делами (8.7.5; сж. SNA.Diad.Ant. 2.2). В рассказе о шестимесячном отсутствии императора после гибели Аврелиана биограф императора Тацит прямо говорит: совместно правили сенат, войны и римский народ (SNA.Tac. 2.2).

Вопрос о том, какими мотивами руководствовались войны, возводя на престол того или иного претендента, остается спорным. Можно вообще отрицать наличие у армии политического сознания¹⁸ или считать (и это мнение представляется более обоснованным), что при всех издержках профессиональной армии римские солдаты не вели себя как простые наемники, но руководствовались определенной ответственностью, которую в широком смысле можно признать гражданской¹⁹. Так или иначе, рассмотренные функции воинской сродки – прежде всего потестарная – лежали вне "правового поля", в сфере прецедентов, превращавшихся в обычай. Вероятно, эти традиции в немалой степени восходят к тем полисным структурам, которые в превращенном виде продолжали существовать и в императорском Риме. Представляется, что само наличие таких традиций в римской армии было необходимым (но, разумеется, не достаточным) условием ее политической активности. Примечательно также, что институт воинской сродки с особой интенсивностью проявлял себя в ситуациях кризиса, когда обычные инструменты власти не были в состоянии в должной мере выполнять свои функции.

П р и м е ч а н и я

1. Суть этого переворота образно сформулировал Т.Моммзен, по словам которого, "новый орел, врученный легионам Марком, предвещал власть императоров" (История Рима. Т.2. СПб., 1994. С.145-146).

2. Campbell J.B. The emperor and the Roman army: 31 BC - AD 235. Oxford, 1984.

3. Alföldy G. Das Heer in der Sozialstruktur des römischen Kaiserreich // Idem. Römische Heeresgeschichte: Beiträge 1962-1985. Amsterdam, 1987; S.26-42; Carrié J.-M. Il soldato // L'Uomo romano / A cura di Giardina Andrea. Bari Laterza, 1989. P.99-142; Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Haut-Empire. P., 1989. Passim.

4. В отечественной историографии такой подход развивала, в частности, Б.М. Штаерман (см.: Штаерман Б.М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957).

5. См.: Махлак А.В. Военное товарищество и корпоративность римской императорской армии // ВД. 1996. № I. С.21, с указанием источников и литературы.

6. Petrikovits H., von. Die Innenbauten römischer Legionslager während der Prinzipat. Opladen, 1975. S.76, Anm.83; Mac Mullen R. The Legion as a Society // Historia. 1984. Bd.33.4. P.455.

7. Примечательно, что Линий в одном месте (44.34.1) сравнивает речь полководца на воинской сходке с речью перед народом... ^{в Риме:} concione advocata... adiecit urbanae concioni convenientem orationem.

8. Petrikovits. Op.cit. S.141. Cf.: Lorenz H. Untersuchungen zum Prätorium. Katalog der Prätorien und Entwicklungsgeschichte ihrer Typen. Halle, 1936. S.88.

9. Примером такого рода выступления является речь Адриана, сохранившаяся в надписи на памятной колонне в Ламбезе, где он побывал в 128 г. с целью инспекции войск (ILS. 2487, 9133-9135).

10. Campbell. Op. cit. P.71 ff.

11. Bishop M.C. On parade: Status, display, and Morale in the Roman Army // Akten des 14. Internationalen Limeskongress, 1986 in Carnuntum. Wien, 1990. T.1. P.21-30.

12. Campbell. Op. cit. P.87.
13. Ibid. P.28-32; Premerstein A., von. Vom Werden und Wesen des
 Principats. München, 1937. S.81 ff.
14. Maxfield V.A. The Military Decorations of the Roman Army.
 1901. P.120.
15. Ibid.
16. Ibid. P.134-135.
17. De Bohec. Op. cit. P.58.
18. Campbell. Op. cit. P.383.
19. Garrié. Op. cit. P.113-114. Cf.: Mac Mullen. Op. cit. P.455-456.